

Социальное пространство негосударственного сектора услуг в России: региональные аспекты

Архипова Елена Борисовна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, e-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru

Бородкина Ольга Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, e-mail: o.borodkina@spbu.ru

Цитирование: Архипова Е.Б., Бородкина О.И. (2025). Социальное пространство негосударственного сектора услуг в России: региональные аспекты. *Terra Economicus* 23(2), 62–76. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-62-76

В статье представлены результаты анализа развития сектора социальных услуг в российских регионах. Теоретической основой исследования послужила социально-пространственная парадигма, в рамках которой сектор социальных услуг рассматривается как сложная система взаимодействия государственных учреждений социального обслуживания, социально ориентированных некоммерческих организаций, социальных предприятий, а также потребителей социальных услуг. Цель работы состояла в разработке понятия социального пространства применительно к негосударственному сектору социальных услуг и социологическом анализе развития социального пространства этой сферы в российских регионах. Эмпирическую базу исследования составили официальные данные Минэкономразвития, региональных реестров поставщиков социальных услуг, Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, агентств РАЭС-Аналитика и РИА Рейтинг. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о неравномерности развития сферы социальных услуг в различных российских регионах. В зависимости от развития негосударственного сектора социальных услуг были выделены пять основных кластеров: (1) флагман (Москва), (2) регионы-лидеры развития некоммерческого сектора социальных услуг, (3) регионы-лидеры развития коммерческого сектора социальных услуг, (4) догоняющие регионы, (5) регионы-аутсайдеры. Результаты показали, что в регионах с наиболее высокими показателями развития негосударственного сектора социальных услуг в целом выше показатели качества жизни населения. При этом доля потенциальных клиентов социальных служб (малоимущие, безработные, люди с инвалидностью) максимальна в кластерах аутсайдеров и догоняющих регионов. Уровень развития сектора социальных услуг существенным образом определяется условиями поддержки и стимулирования разнообразных организационных форм оказания социальных услуг со стороны региональных властей.

Ключевые слова: негосударственный сектор; социальные услуги; российские регионы; НКО; социальное предпринимательство; кластерный анализ

Финансирование: Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 28–18–00542 «Экосоциальная модель социального государства в России: концептуальные основы, дискуссии, институты», который реализуется в СПбГУ.

The social space of non-governmental services in Russia: A regional perspective

Elena B. Arkhipova

Ural Federal University, Yekaterinburg;
Saint Petersburg State University, Russia, e-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru

Olga I. Borodkina

Saint Petersburg State University, Russia, e-mail: o.borodkina@spbu.ru

Citation: Arkhipova E.B., Borodkina O.I. (2025). The social space of non-governmental services in Russia: A regional perspective. *Terra Economicus* 23(2), 62–76 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-62-76

We employ a socio-spatial approach to analyze the development of social services sector in Russian regions. This theoretical framework presents social space as a complex network of interactions between state, non-government, and private social service providers and consumers of social services. The aim of the research was to develop a concept of the social sphere in relation to non-government social services, as well as to conduct a socio-economic analysis of its development in different regions of Russia. The study used official data from government agencies, such as the Ministry of Economic Development and regional registries of social service organizations, as well as data from RAEX-analytics and RIA rating agencies. Based on this analysis, five clusters of regions were identified: 1) leading region (Moscow); 2) regions with a strong non-profit sector; 3) regions with strong commercial sector; 4) catching-up regions; and 5) lagging regions. The results show that the quality of life in leading regions is generally better, while the proportion of low-income and disabled people is highest in lagging and catching-up areas. The development of social infrastructure is largely determined by government support for various forms of social service provision.

Keywords: non-governmental sector; social services; Russian regions; NGO; social entrepreneurship; cluster analysis

Funding: This study was supported by the Russian Science Foundation (RSF) within the project No 24–18–00542 implemented at St. Petersburg State University.

JEL codes: I31, I38, I380

Введение

Целью проводимой трансформации сферы социального обслуживания в Российской Федерации является создание устойчивого негосударственного сектора социальных услуг, в том числе и на региональном уровне. В состав российского государства входит большое количество территорий, которые находятся на разных уровнях социально-экономического развития, в связи с чем и негосударственный сектор социальных услуг формируется неравномерно в региональном разрезе. Часть субъектов Российской Федерации уже обладает достаточно разветвленной социальной инфраструктурой, т.е. сетью организаций различных правовых форм, предоставляющих услуги гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации. В то же время жители других регионов ограничены в выборе субъектов оказания помощи и поддержки. Данные диспропорции могут стать серьезными барьерами для развития сферы социального обслуживания в долгосрочной перспективе. Понимание и типологизация региональных различий в социальной политике способствуют более гармоничному пространственному развитию страны в целом.

Российские исследователи анализируют неоднородность регионов по самым различным основаниям: распределение удельных инвестиций по регионам (Пиньковецкая, 2021), уровень инновационной активности (Шамрай-Курбатова, Леденева, 2021), районирование территорий по демографической и социальной специфике (Барбарук, 2019; Зубаревич, 2012; Зубаревич и др., 2020), неоднородность регионального социально-экономического пространства субъектов РФ (Степаненкова, Степаненкова, 2021), показатели качества жизни и качества населения (Локосов и др., 2019), влияние цифровой инфраструктуры на экономическое развитие регионов (Крамин, Имашева, 2024) и др.

Существующие исследования региональных особенностей сферы социальных услуг подтверждают наличие дифференциации не только на уровне федеральных округов в целом, но также и среди субъектов, входящих в один федеральный округ (Торшкова и др., 2018), и в различных типах населенных пунктов (Архипова, Бородкина, 2022). Основу зафиксированных диспропорций в первую очередь составляют различия в уровне жизни населения и финансовых возможностях территорий, которые приводят к слабости социальной инфраструктуры, доминированию государственных поставщиков социальных услуг, ограничению перечня услуг, доступных для благополучателей на бесплатной основе в отдельных регионах. Важным инструментом преодоления различий является деятельность региональных органов власти по развитию негосударственного сектора социальных услуг на своей территории. Минэкономразвития Российской Федерации ежегодно публикует итоги рейтинга регионов по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных НКО (далее СО НКО) и социального предпринимательства. Тем не менее, вопросы развития негосударственного сектора социальных услуг в российских регионах по-прежнему требуют особого внимания исследователей.

Цель данной работы состоит в разработке понятия социального пространства применительно к негосударственному сектору социальных услуг и социологическом анализе развития социального пространства этой сферы деятельности в российских регионах. Исследовательские задачи предполагали выявление региональных кластеров с достаточно однородными характеристиками негосударственного сектора социальных услуг и определение существенных различий между ними. Научная значимость работы состоит в возможности более глубокого понимания современных процессов развития системы социального обслуживания и социальной помощи в российских регионах, а также в определении основных векторов ее дальнейшего развития с целью повышения доступности и качества социальных услуг для различных групп населения.

Теоретические основания исследования

Исследование проводилось в рамках социально-пространственного подхода, который во многом пересекается с экосоциальным, поскольку оба базируются на признании сложности и многоуровневости социальных феноменов. Экосоциальный подход в широком смысле, в центре которого система взаимосвязанных субъектов и институтов, еще не получил достаточного распространения при изучении функционирования сферы социальных услуг. В тоже время понятие экосистемы активно используется в научной среде относительно отдельных сегментов этой области, например, социального предпринимательства (Краенкова, Ванкевич, 2020; Бородина и др., 2020). Оба подхода предполагают взаимосвязь элементов, динамические изменения в зависимости от социокультурного, экономического и политического контекста. В данной работе вопросы развития негосударственного сектора рассматриваются в рамках социально-пространственной парадигмы. Мы отталкиваемся от понятия социального пространства, поскольку оно в большей степени отражает организацию связей социальных групп, сообществ и институтов, что представляется важным при анализе региональных различий.

В настоящее время в социальных науках сложились несколько подходов к социальному пространству (Goodchild et al., 2000). Один из них связан с концепциями открытия, анализа и формирования социальных пространств с целью создания условий, способствующих развитию общества. В другом подходе социальное пространство рассматривается с точки зрения развития общества и заинтересованности в модернизации институтов, содействующих благосостоянию, улучшению сотрудничества, гибкости и участия граждан в создании социальных услуг (Spatscheck and Wolf-Ostermann, 2009). По мнению некоторых авторов, все пространственные подходы неявно отсылают к традиции мышления в измерениях связанных локальных сетей, что определяет вектор применения теорий социального пространства в системе социальной помощи (Spatscheck, 2018; Diebäcker, 2019).

Различные современные подходы к социальному пространству объединяет, с одной стороны, идея взаимодействия между жителями определенной территории и социальной средой, а с другой стороны, идея трансформации социальных пространств (Deinet, 2009; Zeng, 2023).

Социально-пространственный подход, на наш взгляд, согласуется с концепцией Бурдьё, который рассматривает социальное пространство как структуру социальных позиций (Бурдьё, 2007: 49). При этом Бурдьё уточняет, что «действующие свойства, взятые за принцип построения социального пространства, являются различными видами власти или капиталов, которые имеют хождение в различных полях» (Там же: 15).

Социальное пространство негосударственного сектора социальных услуг в предлагаемой интерпретации структурируется деятельностью таких ключевых агентов как НКО, социальные предприниматели, потребители социальных услуг, региональная и муниципальная власть.

При этом сами регионы можно рассматривать, пользуясь терминологией Бурдьё, как социальные поля, представляющие многомерное пространство позиций, в которых агенты распределяются по общему объему капитала, которым они располагают, и по сочетанию различных видов капиталов (Бурдьё, 2007: 15–16).

Отечественные исследования последних лет фиксируют общую асимметрию пространственного развития субъектов России (Воронов, 2019), несоответствие экономического развития региона и социальной сферы, когда территории с высоким промышленным потенциалом могут демонстрировать неразвитость социальной инфраструктуры и низкий уровень жизни населения (Габдулина, Осипов, 2021). Кроме того, отмечается концентрация экономической активности в регионах присутствия предприятий добывающего сектора и промышленного производства, а также усиление центр-периферийной модели пространственного развития, что еще больше углубляет проблему асимметрии российского пространства и межрегиональное неравенство (Тополева, 2022).

В рамках социально-пространственной парадигмы негосударственный сектор социальных услуг исследуется как социальное пространство, которое конструируется через взаимоотношения граждан, общественных организаций и органов власти в отношении предоставления и получения социальных благ. При этом важно принимать во внимание динамичность и изменчивость структуры социального пространства.

Эмпирические данные и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составил информационный массив данных, характеризующий развитие сектора социальных услуг в 83 субъектах РФ¹, включая: рейтинг Минэкономразвития Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СО НКО, региональные реестры поставщиков социальных услуг, базу Фонда президентских грантов, Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, данные агентств РАЭК-Аналитика и РИА Рейтинг, Региональный рейтинг третьего сектора «Регион-НКО». Несмотря на то, что ряд исследователей указывают на несовершенство рейтинга Минэкономразвития и отсутствие в нем полноценной статистики (Золотарева, 2024), он позволяет отслеживать динамику развития негосударственного сектора социальных услуг и оценивать заинтересованность регионов в его развитии.

Статистические показатели по каждому региону включали: рейтинг регионов по качеству жизни; доли государственных, некоммерческих и коммерческих поставщиков социальных услуг в реестрах; абсолютное и относительное количество СО НКО и социальных предприятий; долю социальных предприятий, получивших поддержку центров «Мой бизнес»; количество победителей Фонда президентских грантов и выделенные суммы; долю работников негосударственного сектора социальных услуг; долю муниципалитетов в составе субъекта РФ, имеющих программы поддержки НКО, социальных предприятий и инфраструктурных площадок, а также баллы, набранные регионами в рейтинге третьего сектора «Регион - НКО» (экономическая значимость, устойчивость, активность, прозрачность, социальная значимость и т.д.). Полный перечень используемых статистических данных представлен в предыдущей работе авторов (Архипова и др., 2023).

Для детализации региональных различий социального пространства были добавлены показатели, характеризующие расслоение проживающего населения с точки зрения его потребности в социаль-

¹ За исключением регионов, вошедших в состав РФ после 2014 г., по причине отсутствия необходимых данных.

ном обслуживании: плотность населения, доля малоимущих, доля детей-инвалидов, доля инвалидов, доля пожилых, доля безработных, доля социальных выплат в структуре денежных доходов населения.

По большинству показателей данные были взяты в динамике за 2019/2020–2021 гг., в зависимости от того, за какой период был доступ к открытым данным на момент написания этой статьи. Несмотря на то, что на исследуемый период приходится пандемия COVID-19, которая обозначила новые вызовы для системы социального обслуживания, результаты ранее проведенных исследований показывают, что пандемия COVID-19 не оказала существенного негативного влияния на сферу социальных услуг. Большинство организаций смогли успешно продолжить свою деятельность в условиях пандемии, развивая новые формы взаимодействия с благополучателями, в первую очередь, связанные с цифровыми технологиями (Архипова, Бородкина, 2022). Следует также оговориться, что временные ограничения исследования (2021 г.), с нашей точки зрения, не влияют на актуальность полученных результатов, поскольку к этому периоду в российских регионах были сформированы и структурированы социальные пространства негосударственного сектора социальных услуг.

Для группировки регионов по уровню развития негосударственного сектора социальных услуг был проведен кластерный анализ с помощью программы SPSS. Выделено 5 кластеров по методу k-средних, сходимость которых достигнута за 6 итераций.

Разработанная кластерная модель была соотнесена с результатами ранее проведенного на этих же эмпирических данных факторного анализа² (Архипова и др., 2023), где итоговая факторная модель включала в себя 9 факторов (упорядоченных в две группы: внешние и внутренние) и объясняла 73% общей дисперсии. Внешние факторы включали: 1) потребительский спрос на социальные услуги, 2) плотность организаций негосударственного сектора, 3) ориентацию региона на развитие социального предпринимательства, 4) ориентацию региона на развитие СО НКО, 5) ориентацию региона на развитие негосударственных поставщиков социальных услуг, 6) наличие муниципальных программ поддержки инфраструктурных организаций. Внутренние факторы: 1) экономический потенциал негосударственного сектора социальных услуг, 2) активность региональных НКО, 3) деятельность инфраструктурных организаций на территории региона.

Результаты исследования

Кластерный анализ позволил выявить группы регионов с довольно однородными характеристиками. Различия между кластерами достаточно заметны, что свидетельствует о значительной дифференциации регионов России по использованным нами показателям.

Анализ выделенных кластеров

Кластер 1: город федерального значения Москва – *флагман развития сектора социальных услуг*. Город Москва был выделен в отдельный кластер по ряду причин. Благодаря большой численности населения, близости к федеральным структурам, высокому уровню жизни (1 место в соответствующем рейтинге) данный субъект РФ демонстрирует картину развития негосударственного сектора, которая отличается от всех других регионов. Самое существенное отличие – это доля работников негосударственного сектора, которая составляет 26%, что значительно превышает показатели всех остальных кластеров. В данном субъекте РФ сосредоточены самые крупные негосударственные организации (НКО в первую очередь), что делает регион лидером среди победителей Фонда президентских грантов (в дальнейшем ФПГ). Столичных организаций в общем количестве победителей ФПГ в 5 раз больше, чем из регионов-лидеров и в 20 с лишним раз больше, чем из регионов-аутсайдеров. Аналогичная ситуация и по суммам выделенных грантов ФПГ на реализацию проектов. Некоммерческие организации Москвы в 2020 г. получили в целом 3,4 млрд руб. на реализацию социальных проектов, а, например, общая сумма, выделенная ФПГ победителям в Свердловской области, составила 290 млн руб., в Республике Башкортостан – 163 млн руб., в Сахалинской области – 28 млн руб.

Отмечается тенденция равномерного включения СО НКО и коммерческих организаций в реестры поставщиков социальных услуг. Доля СО НКО в 2021 г. составляла 19%, а коммерческих – 20,6%

² В статье использовались эмпирические данные, собранные в процессе реализации проекта РНФ № 19-18-00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг».

(при этом их доля за период с 2019 по 2021 гг. увеличилась почти в 2 раза), что свидетельствует об активной политике региона по развитию негосударственного сектора социальных услуг. Развитию данной тенденции способствует общее высокое количество НКО и социальных предприятий, расположенных на территории столицы; эти организации составляют базу потенциальных поставщиков социальных услуг. Учитывая все вышесказанное, г. Москва получает самые высокие оценки в региональном рейтинге «Регион-НКО» по таким показателям как: экономическая значимость НКО в субъекте, устойчивость НКО, поддержка НКО регионом, прозрачность информации о поддержке НКО, медиаактивность НКО, социальная значимость НКО, институциональные площадки и значимость региональных общественных палат.

Все вышесказанное позволяет маркировать город федерального значения Москва как *флагман развития негосударственного сектора социальных услуг*.

Второе и третье место в рейтинге регионов по степени развития в них негосударственного сектора социальных услуг занимают следующие два кластера, которые характеризуются достаточно высокими общими показателями, позволяющими отнести их к регионам-лидерам. Как показал наш анализ, в указанных группах субъектов РФ развиваются разные типы поставщиков социальных услуг.

Кластер 2 (7 регионов) – *регионы-лидеры развития некоммерческого сектора социальных услуг*: г. Санкт-Петербург (СЗФО), Московская область (ЦФО), Республика Татарстан (ПФО), Пермский край (ПФО), Самарская область (ПФО), Свердловская область (УФО), Новосибирская область (СФО).

Шесть из семи регионов (исключение – Новосибирская область), входящих в этот кластер по данным на 2022 г., являются регионами-донорами, поэтому показатели качества жизни в данном кластере выше, чем во всех остальных, кроме кластера-флагмана.

В целом, данная группа регионов характеризуется высокой долей некоммерческих организаций в реестрах поставщиков социальных услуг при довольно средних показателях коммерческих организаций в реестрах. На рисунке 1 представлена динамика доли НКО за 2021–2024 гг. в реестрах поставщиков в регионах данного кластера и других кластеров (взяты выборочно для сравнения). Отчетливо прослеживается тенденция включения некоммерческих организаций в социальное обслуживание граждан, особенно в Новосибирской области. Этому способствует большое количество зарегистрированных на территории СО НКО, которые даже с учетом высокой плотности населения, в среднем составляют 9,85 организаций на 10 тыс. населения. Этот факт позволяет некоммерческим организациям подавать большое количество заявок в ФПГ и получать большие суммы на реализацию социальных проектов (уступая только г. Москва).

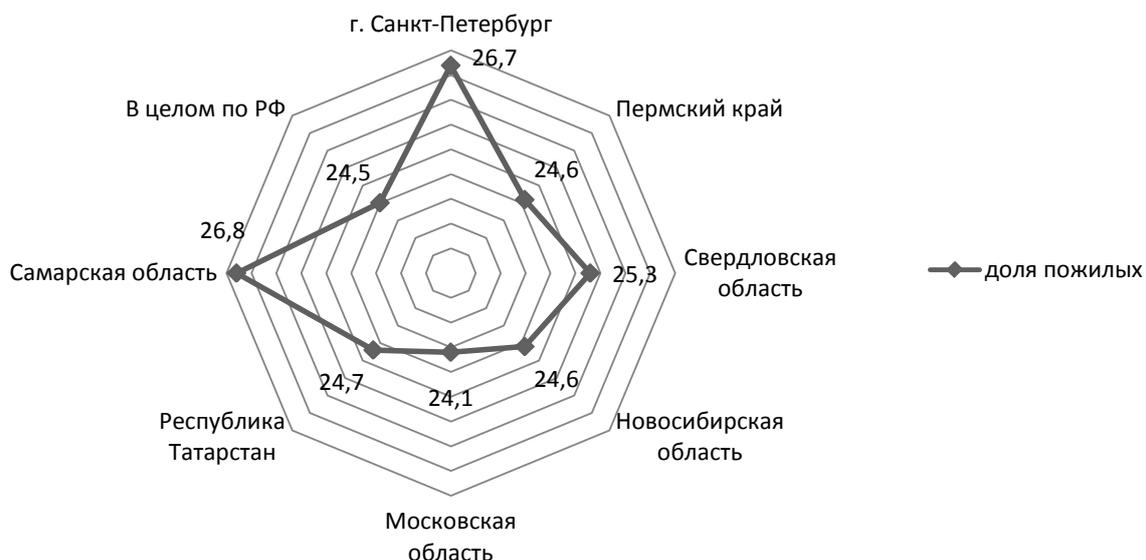
Рис. 1. Доля некоммерческих организаций в реестрах поставщиков социальных услуг за 2021 и 2024 гг., %

Источник: расчеты авторов.

Данный кластер находится также на втором месте по количеству работников, занятых в негосударственных организациях социальной сферы, – доля таких сотрудников выросла с 8,52% в 2019 г. до 12% в 2021 г. Около 60% муниципалитетов в данных субъектах РФ реализуют собственные программы по поддержке СО НКО. Во всех регионах, входящих во второй кластер, имеются специализированные информационные ресурсы о поддержке СО НКО, большая часть из них была включена в перечень пилотных регионов, реализуемых государственный социальный заказ. В рейтинге «Регион-НКО» за 2021 г. субъекты РФ из данного кластера получили очень высокие оценки по параметрам: экономическая значимость НКО, поддержка НКО регионом, медиаактивность и социальная значимость НКО, значимость региональных общественных палат.

Указанные особенности позволяют отнести регионы из данного кластера к числу *лидеров развития некоммерческого сектора социальных услуг*. Однако показатели поддержки социального предпринимательства и различных инфраструктурных организаций в данном кластере низкие, особенно если смотреть в контексте муниципалитетов и деятельности центров инновации социальной сферы. Тем не менее, прослеживается тенденция увеличения почти в 3 раза количества зарегистрированных социальных предприятий за двухлетний период и увеличение доли коммерческих поставщиков услуг при небольшом сокращении доли СО НКО в реестрах. Данный факт позволяет предположить, что в ближайшие годы развитие коммерческого сектора социальных услуг в кластере будет происходить более активно. При ускорении темпов развития сектора в других регионах существует высокий риск понижения рейтинговых позиций данного кластера, так как с 2019 по 2021 гг. доля государственных поставщиков практически не изменилась, варьировалось только соотношение СО НКО и коммерческих организаций в реестрах. То есть, регионы данного кластера продемонстрировали хороший старт по расширению доступа некоммерческим и коммерческим организациям к предоставлению социальных услуг и продолжают развиваться по инерции, в то время как некоторые регионы из других кластеров активно форсируют события, сократив долю государственных учреждений в реестрах за анализируемые года в среднем на 10%, догнав или даже перегнав соответствующий показатель данной группы.

Сохранять существующие темпы развития сектора социальных услуг и повышения качества социального обслуживания не менее важно для регионов данного кластера, так как показатели социального благополучия граждан и их востребованности в социальной помощи отражают в целом общероссийскую тенденцию.

Рис. 2. Доля пожилых граждан в структуре населения второго кластера за 2021 г., %
 Источник: расчеты авторов³.

³ На основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Раздел «Население». <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата доступа: 13.03.2025)

Так, например, доля пожилых граждан, которые являются ключевыми благополучателями социальных услуг, в 2021 г. составляла в среднем по России 24,51%, а в трех регионах данного кластера она была даже выше: в Самарской области – 26,8%, в г. Санкт-Петербург – 26,7%, в Свердловской области – 25,3% (рис. 2). С учетом старения населения численность данной группы будет возрастать, соответственно в данном кластере будет и далее сохраняться потребность в социальном обслуживании и дальнейшем развитии сектора.

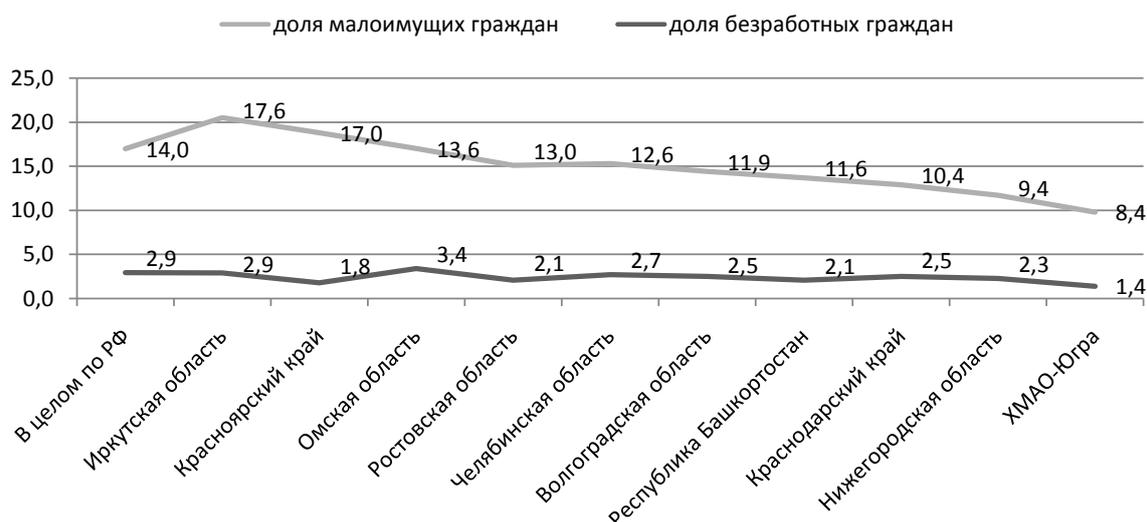
Кластер 3 (10 регионов) – регионы-лидеры развития коммерческого сектора социальных услуг: Краснодарский край (ЮФО), Ростовская область (ЮФО), Волгоградская область (ЮФО), Республика Башкортостан (ПФО), Нижегородская область (ПФО), ХМАО-Югра (УФО), Челябинская область (УФО), Красноярский край (СФО), Омская область (СФО), Иркутская область (СФО). Половина из перечисленных регионов (Нижегородская, Челябинская, Иркутская области, Красноярский край и ХМАО) не получают дотаций на выравнивание бюджетной нагрузки, т.е. являются регионами-донорами.

По выделенным характеристикам социального обслуживания данный кластер можно отнести к числу лидеров развития коммерческого сектора социальных услуг. По относительному количеству коммерческих поставщиков регионы данного кластера существенно превышают субъекты РФ из других кластеров, уступая только г. Москва.

Количество СО НКО при перерасчете на 10 000 чел. населения немного ниже, чем в предыдущем кластере, а вот количество социальных предприятий на 10 000 чел. в 1,5 раза выше, даже при меньшем их абсолютном числе, что обусловлено меньшей совокупной численностью населения регионов, входящих в данную группу. При этом доля работников негосударственного сектора в регионах данного кластера составляет около 7% по итогам 2021 г. при среднероссийских показателях в 6,3%.

У третьего кластера высок потенциал укрепить свои позиции по степени развития негосударственного сектора социальных услуг, так как в нем муниципалитеты активно включаются в программы поддержки СО НКО и особенно социального предпринимательства. В 2020 г. в среднем 75,9% муниципалитетов имели программы поддержки социального предпринимательства, а в 2021 г. 70% – программы поддержки СО НКО. Кроме того, показатели поддержки инфраструктурных организаций в 2020 и 2021 гг. максимальны в данном секторе, т.е. в регионах систематически создается база для интенсивного развития сектора в ближайшие годы за счет создания сильных институциональных площадок.

С точки зрения качества жизни и материального благополучия граждан, проживающих на территории субъектов РФ, входящих в данный кластер, можно отметить контраст в доходах населения и уровне безработицы (рис. 3).

Рис. 3. Доля безработных и малоимущих граждан в регионах третьего кластера за 2021 г., %
Источник: расчеты авторов⁴.

⁴ На основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Раздел «Население». <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата доступа: 12.03.2025)

Представленные на рисунке 3 различия, с одной стороны, говорят о неоднородности социального пространства регионов, входящих в один кластер, а с другой стороны, демонстрируют необходимость развития программ содействия занятости и повышения уровня благосостояния граждан, особенно в Иркутской, Омской областях и Красноярском крае. Возможными способами трудоустройства могут выступать социальное предпринимательство по модели занятости граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, и развитие социального контракта как проактивной меры поддержки граждан с низким уровнем дохода или безработных.

Кластер 4 (20 регионов) – догоняющие регионы: ЦФО (Белгородская область, Владимирская область, Воронежская область, Тульская область), СЗФО (Вологодская область, Калининградская область, Республика Коми, Архангельская область, Ленинградская область), ПФО (Удмуртская республика, Саратовская область, Ульяновская область), СКФО (Ставропольский край), УФО (Тюменская область), СФО (Алтайский край, Кемеровская область), ДФО (Хабаровский край, Республика Саха (Якутия), Приморский край).

Регионы, входящие в данный кластер, демонстрируют средние показатели. У них уже имеются определенные успехи в передаче негосударственным поставщикам доступа к социальным услугам, в большей степени это относится к СО НКО, однако имеется тенденция увеличения доли и коммерческих поставщиков. Барьером является слабое развитие некоммерческого сектора и социального предпринимательства. Абсолютное количество СО НКО и социальных предприятий в перечисленных выше регионах в два раза меньше, чем в предыдущих двух кластерах. Только около 50% муниципалитетов имеют поддержку СО НКО, и около трети – социального предпринимательства (в 2021 г. показатель еще снизился до 11%). Несмотря на то, что по некоторым показателям рейтинга «Регион-НКО» данные субъекты РФ имеют достаточно высокие баллы, особенно в контексте прозрачности информации о существующих мерах поддержки и экспертной поддержки, по общей картине они существенно проигрывают всем предыдущим кластерам. Соответственно, сфера социального обслуживания в данных регионах нуждается в активизации имеющихся ресурсов и в привлечении новых.

Кластер 5 (45 регионов) – регионы-аутсайдеры: ЦФО (Рязанская область, Ивановская область, Смоленская область, Тверская область, Брянская область, Курская область, Орловская область, Калужская область, Костромская область, Липецкая область, Тамбовская область), СЗФО (Ненецкий автономный округ, Мурманская область, Псковская область, Республика Карелия, Новгородская область), ПФО (Пензенская область, Республика Мари Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская область, Оренбургская область), ЮФО (Республика Адыгея, Астраханская область, Республика Калмыкия), УФО (ЯНАО, Курганская область), СФО (Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Хакасия, Томская область, Забайкальский край), ДФО (Республика Бурятия, Сахалинская область, Амурская область, Чукотский автономный округ, Камчатский край, Магаданская область, Еврейская автономная область), СКФО (Республика Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкессия, Республика Дагестан, Чеченская республика, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика).

Самый многочисленный кластер демонстрирует средний уровень развития негосударственного сектора социальных услуг с потенциалом дальнейшего роста, так как около 40–45% муниципалитетов имеют собственные программы поддержки СО НКО.

В данном кластере самая высокая доля государственных учреждений, поэтому численность сотрудников, занятых в негосударственных организациях, составляет не более 4,5%, и это минимальный показатель среди всех кластеров. Однако наблюдается высокая доля и позитивная динамика прироста СО НКО в реестрах поставщиков социальных услуг за период 2019–2021 гг. с 17,2% до 19,4%, что приближает их к соответствующим показателям из других кластеров. При этом выделенные регионы проседают в развитии коммерческого сектора социальных услуг, так как доля организаций данного сектора в реестрах по итогам 2019 г. – 4%, а в 2021 г. – 7,3%. И это самые низкие показатели среди всех кластеров. Ввиду указанных выше особенностей регионы, входящие в данный кластер, проигрывают в рейтинге участия в конкурсах ФПГ. Среднее количество победителей составило от 18 (2019 г.) до 25 (2021 г.) организаций с суммой гранта до 1,5 млн руб.

Развитие негосударственного сектора данного кластера может происходить за счет активной работы с социальными предпринимателями и коммерческими организациями по включению их в реестры поставщиков, за счет развития ресурсных центров, которые будут формировать проектную культуру сотрудников СО НКО, привозить экспертов из успешных регионов, разрабатывать совместные программы

с муниципалитетами и т.п., а также за счет увеличения действующих СО НКО и социальных предприятий (так как пока их количество небольшое), развития государственного социального заказа.

Отдельно стоит отметить Ямало-Ненецкий автономный округ, который по экономическому развитию и уровню жизни населения превосходит другие регионы данного кластера, но по остальным параметрам, важным для анализа сферы социального обслуживания населения, демонстрирует близкие к ним показатели. В частности, в данном субъекте РФ доля СО НКО составляет 17,1%, хотя, для сравнения, в ХМАО, который входит в кластер лидеров, данная доля существенно выше (41,6%). Самое главное отличие ЯНАО от других регионов-лидеров в том, что на его территории значительно меньшее количество НКО и, в целом, некоммерческий сектор менее активен. Подается небольшое количество заявок на конкурсы в ФПГ, доля сотрудников негосударственных организаций социального обслуживания значительно ниже, у НКО низкий индекс медиа-активности, и по сравнению с другими отраслями экономики, некоммерческий сектор характеризуется меньшей экономической значимостью.

Рисунок 4 наглядно иллюстрирует распределение субъектов РФ по уровню развития в них негосударственного сектора социальных услуг.

Рис. 4. Регионы Российской Федерации в зависимости от уровня развития негосударственного сектора социальных услуг (кластеры)

Источник: расчеты авторов⁵.

Таким образом, наши данные демонстрируют, что территориальный фактор не является ключевым в дифференциации субъектов РФ по социальному обслуживанию, так как регионы-лидеры присутствуют практически во всех округах, за исключением Дальневосточного федерального округа. И наоборот, субъекты ЦФО демонстрируют слабую динамику привлечения негосударственных поставщиков к предоставлению социальных услуг гражданам.

При тестировании кластеров на разработанной ранее авторами факторной модели (Архипова и др., 2023) подтвердилось, что ключевым фактором развития является экономический потенциал негосударственного сектора социальных услуг (количество организаций в регионе, доля работников, опосредованные инвестиции за счет полученных грантов в развитие территорий, сообществ и гражданских инициатив).

Регионы – лидеры некоммерческого и коммерческого сектора социальных услуг (кластеры 2 и 3 в нашей модели) и г. Москва (флагман) находятся под сильным влиянием этого фактора, что, в первую очередь, определяет выявленные высокие темпы их развития (табл. 1). В кластере

⁵ На рисунке визуализирована принадлежность каждого субъекта РФ к номеру выделенного нами кластера.

регионов-аутсайдеров показатели экономической значимости сектора ниже в четыре раза, что является основным барьером дальнейшего развития.

Таблица 1

**Сила влияния выделенных факторов в зависимости от кластера
(суммарный % «сильного» и «очень сильного» влияния)**

Факторы	Кластеры				
	Флагман	Лидеры – СО НКО	Лидеры – коммерческий сектор	Догоняющие	Аутсайдеры
Экономический потенциал негосударственного сектора социальных услуг	100	100	100,0	66,7	23,9
Потребительский спрос на услуги	0	71,4	20,0	52,3	54,4
Плотность организаций негосударственного сектора	100	85,7	60,0	33,3	50,0
Ориентация региона на развитие социального предпринимательства	0	85,7	80,0	61,9	34,8
Ориентация региона на развитие СОНКО	0	71,4	80,0	61,9	36,9
Ориентация региона на развитие негосударственных поставщиков социальных услуг	100	71,4	50,0	57,1	43,4
Активность региональных СО НКО	0	42,8	70,0	57,2	45,7
Наличие региональных программ поддержки инфраструктурных организаций	100	42,9	50,0	42,9	54,3
Деятельность инфраструктурных организаций	0	71,4	80,0	42,9	45,7

Источник: расчеты авторов.

Проведенный анализ также продемонстрировал, что регионы-лидеры занимают высокие позиции, в том числе и благодаря ориентации региональных/муниципальных властей на развитие СО НКО и социального предпринимательства, на включение их в реестры поставщиков социальных услуг, а также активной деятельности инфраструктурных организаций по развитию самого сектора. Кластеры регионов-лидеров очень близки по факторным нагрузкам, их дифференциацию определяют, в первую очередь, показатели потребительского спроса на услуги, активности СО НКО на региональном уровне, плотности населения и количества организаций. Возможно, в дальнейшем их показатели еще больше сблизятся, и они сформируют единый кластер.

В меньшей степени дифференциацию регионов определяет фактор поддержки инфраструктурных организаций. Региональные и муниципальные власти слабо развивают собственные институциональные площадки, предпочитая взаимодействовать напрямую с СО НКО и социальными предпринимателями. Исключение составляет г. Москва, где сосредоточены основные ресурсные организации и центры инноваций. Хотя сами представители региональных ресурсных центров отмечают, что только в партнерстве с властными структурами они могут полноценно развивать социальный сектор на региональном уровне.

Факторные нагрузки кластера аутсайдеров демонстрируют проблемные области, характерные для половины субъектов РФ: низкий уровень включенности СО НКО и социального бизнеса в обеспечение регионального валового продукта⁶, низкую активность СО НКО и ресурсных цен-

⁶ В исследовании использовался суммарный индекс «Экономическая значимость НКО в субъекте» Регионального рейтинга третьего сектора «Регион-НКО», который включал в себя показатель вклада СО НКО в региональный валовой продукт.

тров, а также слабую ориентацию региона на развитие негосударственных организаций, предоставляющих социальные услуги населению.

Таким образом, предложенная кластерная модель, построенная на основе параметров развития негосударственного сектора социальных услуг, позволила показать неоднородность социального пространства российских территорий и наличие ощутимых разрывов между наиболее и наименее развитыми субъектами РФ.

Анализ демографических особенностей социального пространства выделенных кластеров⁷ позволяет маркировать их с точки зрения потребности граждан в социальном обслуживании, спроса на социальные услуги (табл. 2) и соотнести эти показатели с возможностями регионов удовлетворять эти услуги.

Таблица 2

**Показатели, характеризующие потребность в социальном обслуживании
в выделенных кластерах (2021 г.)**

Показатели	Кластеры				
	Флагман	Лидеры – СО НКО	Лидеры – коммерческий сектор	Догоняющие	Аутсайдеры
Плотность населения (чел. на 1 км ²)	4933,80	49,23	26,64	27,20	25,69
Доля малоимущих, %	6,00	9,67	12,55	13,56	15,43
Доля детей-инвалидов, %	0,40	0,40	0,43	0,40	0,62
Доля инвалидов, %	7,70	7,04	6,78	8,03	7,63
Доля пожилых, %	27,40	25,26	24,39	25,89	23,75
Доля безработных, %	1,50	1,94	2,37	2,47	3,46
Доля социальных выплат в структуре денежных доходов населения, %	11,60	20,60	23,53	25,78	27,02

Источник: расчеты авторов.

Как можно увидеть из таблицы 2, доля потенциальных клиентов социальных служб (малоимущие, безработные, инвалиды) максимальна в кластерах аутсайдеров и догоняющих регионов. Регионы-лидеры экономически более развиты, но при этом они также больше уделяют внимания созданию качественного и разнообразного сектора социальных услуг, тем самым способствуя еще большему повышению уровня благосостояния и благополучия населения. Поэтому доля социальных выплат в структуре денежных доходов населения в первых трех кластерах (особенно в Москве) существенно ниже. В то же время, зафиксированный контраст в доходах населения и уровне занятости может определяться и различиями в разделяемых мировоззренческих позициях. Жители отстающих территорий в меньшей степени готовы к активизации собственных ресурсов (во многом объективно ограниченных) для улучшения качества жизни, в то время как население регионов-лидеров, обладая большим имущественным и социальным капиталом, предпочитает не полагаться на гарантированные государством выплаты, компенсации и пособия, услуги, а искать альтернативные способы улучшения собственного благосостояния.

Следует также отметить тенденцию слабого развития негосударственного сектора в регионах с меньшей плотностью населения. Получается, что объем «рынка» социальных услуг больше там, где ближе потенциальный потребитель, где больше крупных городов и, соответственно, где выгоднее открывать СО НКО (а они занимают существенное место в структуре негосударственного сектора). Можно сделать вывод о существовании огромного пространства потенциальной социальной тревожности и напряженности, куда можно отнести 65 субъектов РФ (аутсайдеры и догоняющие регионы). В этих регионах большой потенциальный спрос на социальные услуги со стороны населения при недостаточном их удовлетворении. Оптимальным решением для улучшения структуры социального пространства данных субъектов РФ может быть ориентация

⁷ На основе данных Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/> (дата доступа: 08.08.2023)

на развитие социального предпринимательства в малых городах и сельских территориях. Если проанализировать регионы, вошедшие в кластер лидеров коммерческого сектора социальных услуг, то часть из них – это как раз регионы с низкой или ниже среднего плотностью населения (Иркутская область, Красноярский край, ХМАО, Омская область), но с высокой ориентацией муниципалитетов на развитие социального бизнеса и СО НКО на своих территориях с одновременным включением новых поставщиков услуг в региональные реестры.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют предположить, что уровень развития сектора социальных услуг определяется в первую очередь не территориально-пространственным фактором, а уровнем поддержки и стимулирования разнообразных организационных форм оказания социальных услуг со стороны региональных и федеральных властей. Так, есть основания для оптимизма, связанные с последовательной реализацией механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства.

Кроме того, системное развитие сектора социальных услуг возможно тогда, когда сильные и активные организации представлены на всем пространстве региона, в том числе, в сельских и малых территориальных образованиях, а не только в региональном центре. В данном контексте важна работа с регионами со стороны инфраструктурных организаций и органов власти. Перспективы за теми регионами, которые ставят перед собой подобную задачу. Это позволит им в будущем продемонстрировать еще большие темпы развития сферы социальных услуг. Наличие НКО и коммерческих организаций в малых территориальных образованиях способствует вариативности обслуживания, а именно предоставлению получателям социальных услуг выбора, по результатам которого будет происходить перераспределение денежных потоков.

Среди новых тенденций, которые можно выделить, и которые, вероятно, в ближайшие годы будут усиливаться и влиять на ситуацию в регионах, – развитие социальных экосистем и гибридных организаций. В ряде регионов постепенно создаются условия для формирования уникальной социальной экосистемы – количественного и качественного развития инфраструктуры государственных и негосударственных поставщиков социальных услуг, в том числе посредством цифровых площадок и сервисов. Подобные экосистемы, помимо решения социальных проблем, могут способствовать повышению привлекательности территории и стимулированию деловой и гражданской активности (Демичев, 2022). Что касается гибридных организаций, то тенденция развития гибридных форм для некоммерческих организаций во многом связана с целью достижения финансовой стабильности организациями третьего сектора. Гибридный формат позволяет диверсифицировать ресурсы путем взаимодействия некоммерческих и коммерческих структур и выстраивания эффективного взаимодействия с региональными органами власти (Бородкина, Сулимова, 2024).

Заключение

Социальное пространство сектора социальных услуг представляет сложную систему, основными элементами которой являются государственные учреждения социального обслуживания, социально ориентированные некоммерческие организации, социальные предприятия, а также потребители социальных услуг. Проведенный кластерный анализ позволяет сделать вывод о неравномерности развития сферы социальных услуг в различных российских регионах, а также выделить кластеры, для которых характерны схожие показатели развития негосударственного сектора. Следует отметить, что в целом более высокий уровень качества жизни населения наблюдается преимущественно в регионах с развитым негосударственным сектором социальных услуг. При этом доля потенциальных клиентов социальных служб (малоимущие, безработные, люди с инвалидностью) максимальна в кластерах регионов-аутсайдеров и догоняющих регионов. Неоднородность социального пространства российских территорий и наличие ощутимых разрывов между наиболее и наименее развитыми субъектами Российской Федерации характеризуют сегодняшнее состояние сектора социальных услуг, однако социальное пространство достаточно динамично. Безусловно, новые вызовы, с которыми страна сталкивается в последние годы, оказывают влияние на систему социальных услуг. В этой связи следует отметить появле-

ние новых групп получателей социальных услуг (участники специальной военной операции и члены их семей), расширение сферы медико-социальной реабилитации. Полученные результаты дают основания ожидать структурные изменения социального пространства негосударственного сектора социальных услуг, что требует дальнейшего исследования данной сферы, которая во многом определяет благополучие российских граждан.

Литература / References

- Архипова Е.Б., Старшинова А.В., Бородкина О.И. (2023). Факторы развития негосударственного сектора социальных услуг в российских регионах. *Мир России* **32**(4), 96–118. [Arkhipova, E., Starshinova, A., Borodkina, O. (2023). Development factors in the non-governmental social services sector in the Russian regions. *Mir Rossii* **32**(4), 96–118 (in Russian)].
- Архипова Е.Б., Бородкина О.И. (2022). Особенности социального обслуживания в населенных пунктах различных типов: взгляд потребителей услуг (по результатам всероссийского опроса). *Социологический журнал* **28**(4), 60–81. [Arkhipova, E., Borodkina, O. (2022). The characteristics of social service in different types of settlements: As seen by consumers of services (based on the results of an all-Russian survey). *Sociological Journal* **28**(4), 60–81 (in Russian)].
- Барбарук А.В. (2019). Крайний Север России как многомерное пространство: результаты кластерного анализа статистических показателей, характеризующих население северных территорий. *Проблемы развития территории* (6), 40–51. [Barbaruk, A. (2019). The Far North of Russia as a multidimensional space: Results of cluster analysis of statistical indicators characterizing the Northern territories' population. *Problems of Territory's Development* (6), 40–51 (in Russian)].
- Бородина А.В., Васильева Е.Н., Лавренюк Н.М., Полтавская М.Б. (2020). Интеллектуальное социальное предпринимательство: перспективы формирования экосистемы. *Logos et Praxis* **19**(4), 62–77. [Borodina, A., Vasilieva, E., Lavrenyuk, N., Poltavskaya, M. (2020). Intellectual social entrepreneurship: Prospects for the formation of the ecosystem. *Logos et Praxis* **19**(4), 62–77 (in Russian)].
- Бородкина О.И., Сулимова А.А. (2024). Гибридные организации в негосударственном секторе социальных услуг: социологический анализ. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* **17**(6), 204–217. [Borodkina, O., Sulimova, A. (2024). Hybrid organizations in the non-governmental sector of social services: A sociological analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* **17**(6), 204–217].
- Бурдьё П. (2007). *Социология социального пространства*. СПб.: Алетейя. [Bourdieu, P. (2007). *Sociology of Social Space*. Saint Petersburg: Aletheia Publ. (in Russian)].
- Воронов А.С. (2019). Пространственный подход в развитии социально-экономических систем регионов. *Государственное управление* (75), 249–267. [Voronov, A. (2019). Spatial approach in the development of regions' socio-economic systems. *Public Administration* (75), 249–267 (in Russian)].
- Габдуллина Г.К., Осипов Д.В. (2021). Регион как элемент пространственных социально-экономических систем. *Индустриальная экономика* **3**(3), 23–29. [Gabdullina, G., Osipov, D. (2021). Region as an element of spatial socio-economic systems. *Industrial Economy* **3**(3), 23–29 (in Russian)].
- Горшкова Н.В., Мьггарева Л.А., Григорьева Л.В. (2018). Оценка дифференциации социальной защиты населения Южного макрорегиона России. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология* **20**(1), 64–77. [Gorshkova, N., Lyubov, V., Grigoryeva, L. (2018). Evaluation of the differentiation of social protection of the population of the southern macroregion of Russia. *Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System* **20**(1), 64–77 (in Russian)].
- Демичев И.В. (2022). Экосистема социальных услуг и жизнедеятельность семьи в условиях цифрового перехода. *Власть* **30**(6), 65–70. [Demichev, I. (2022). The ecosystem of social services and the life of the family in the digital transition context. *Vlast* **30**(6), 65–70 (in Russian)].
- Золотарева А.Б. (2024). Состояние и перспективы развития конкуренции в сфере государственных социальных услуг. *Экономическая политика* **19**(3), 154–181. [Zolotareva, A. (2024). Prospects for encouraging competition in the public social services market. *Economic Policy* **19**(3), 154–181 (in Russian)].

- Зубаревич Н. (2012). Социальная дифференциация регионов и городов. *Pro et Contra* **16**(4–5), 135–152. [Zubarevich, N. (2012). Social differentiation of regions and cities. *Pro et Contra* **16**(4–5), 135–152 (in Russian)].
- Зубаревич Н.В., Макаренцева А.О., Мкртчян Н.В. (2020). Социально-экономическое положение регионов и демографические итоги 2019 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС). *Экономическое развитие России* **27**(4), 73–87. [Zubarevich, N., Makarentseva, A., Mkrтчyan, N. (2020). The socio-economic situation of the regions and demographic results of 2019 (based on the results of regular Monitoring by INSAP RANEPА). *Economic Development of Russia* **27**(4), 73–87 (in Russian)].
- Краенкова К.И., Ванкевич Е.В. (2020). Социальное предпринимательство: социально-экономическая основа и концепция развития в Республике Беларусь. *Белорусский экономический журнал* (4), 52–65. [Vankevich, E., Krayenkova, K. (2020). Social entrepreneurship: socio-economic bases and areas of development in the republic of Belarus. *Belarusian Economic Journal* (4), 52–65 (in Russian)].
- Крамин Т.В., Имашева И.Ю. (2024). Влияние цифровой инфраструктуры на развитие российских регионов. *Terra Economicus* **22**(3), 115–127. [Kramin, T., Imasheva, I. (2024). The impact of digital infrastructure on regional development in Russia. *Terra Economicus* **22**(3), 115–127 (in Russian)].
- Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. (2019). Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения. *Народонаселение* **22**(4), 4–17. [Lokosov, V., Ryumina, E., Ulyanov, V. (2019). Clustering of regions by indicators of quality of life and quality of population. *Population* **22**(4), 4–17 (in Russian)].
- Пиньковецкая Ю.С. (2021). Инвестиции в основной капитал по регионам России в 2019 году. *Статистика и экономика* **18**(1), 47–53. [Pinkovetskaya, Yu. (2021). Investments in capital asset at the regions of Russia in 2019. *Statistics and Economics* **18**(1), 47–53 (in Russian)].
- Степаненкова Н.М., Степаненкова М.А. (2021). Применение кластерного анализа для оценки уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации. *Креативная экономика* **15**(11), 4225–4236. [Stepanenkova, N., Stepanenkova, M. (2021). Application of cluster analysis to assess the level of socio-economic development of Russian regions. *Creative Economy* **15**(11), 4225–4236 (in Russian)].
- Тополева Т.Н. (2022). Пространственная локализация экономической активности в России: структурные изменения в макрорегионах. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал* (4), номер статьи 7220. [Topoleva, T. (2022). Spatial localization of economic activity in Russia: Structural changes in large regions. *Regional Economics and Management: an electronic scientific journal* (4), Article #7220 (in Russian)]. DOI: 10.24412/1999-2645-2022-472-20
- Шамрай-Курбатова Л.В., Леденева М.В. (2021). Кластерный анализ субъектов РФ по уровню инновационной активности. *Бизнес. Образование. Право* **54**(1), 88–97. [Shamray-Kurbatova, L., Ledeneva, M. (2021). Cluster analysis of the Russian regions by the level of innovative activity. *Business. Education. Law* **54**(1), 88–97 (in Russian)].
- Goodchild, M., Anselin, L., Appelbaum, R., Harthorn, B. (2000). Toward spatially integrated social science. *International Regional Science Review* **23**(2), 139–159.
- Deinet, U. (ed.) (2009). *Methodenbuch Sozialraum*. Wiesbaden.
- Diebäcker, M., Fischlmayr, A., Sagmeister, A. (2019). Researching social space in social work institutions. A case study on a women's shelter. *Social Work & Society* **17**(1), 1–15. <https://ejournals.bib.uni-wuppertal.de/index.php/sws/article/view/599> (accessed on November 28, 2023)
- Spatscheck, C. (2018). Spatial approaches to social work – Theoretical foundations and implications for practice and research. *European Journal of Social Work* **22**(4), 1–15. DOI: 10.1080/13691457.2018.1550387
- Spatscheck, C., Wolf-Ostermann, K. (2009). *Social space analyses and the socio-spatial paradigm in social work*. Working paper-serien, vol. 2009, no. 1. Socialhögskolan, Lunds universitet. https://lucris.lub.lu.se/ws/portalfiles/portal/86075177/wp2009_1.pdf (accessed on November 28, 2023)
- Zeng, Y. (2023). The spaciality of public policy and urban space policy system from the perspective of sociology. *Advances in Applied Sociology* (**13**), 756–764. DOI: 10.4236/aasoci.2023.1310046